**О СТИХОТВОРЕНИИ
«ВОЗЬМИ НА РАДОСТЬ ИЗ МОИХ ЛАДОНЕЙ...»
МАНДЕЛЬШТАМА:
Время и любовь**

Акико ОЦУКИ
(Университет Токио)

[*Key words*: Mandel'stam, bees, love, time, Hades]

ТЕКСТ

3 Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного меда
Как нам велели пчелы Персефоны.

6 Не отвязать неприкрепленной лодки,
Не услышать в меха обутой тени,
Не перевозночь в дремучей жизни страха.

9 Нам остаются только поцелуи,
Мохнатые, как маленькие пчелы,
Что умирают, вылетев из улья.

12 Они шуршат в прозрачных дебрях ночи,
Их родина — дремучий лес Тайгета,
Их пища — время, медуница, мята.

15 Возьми ж на радость дикий мой подарок,
Невзрачное сухое ожерелье
Из мертвых пчел, мед превративших в солнце.

Акико ОЦУКИ

(1920)

Это стихотворение было написано в 1920-м году, и вошло в сборник стихотворений «TRISTIA», в котором собраны работы, написанные с 1915-го по 1921-й год. В сборник, так называемый «летейский цикл», включены стихотворения «Возьми на радость из моих ладоней ...», «Когда Психея-жизнь спускается к теням...» и «ЛАСТОЧКА». Эти 3 стихотворения имеют своей темой рождение поэтического языка и связь с подземным царством античной мифологии. Кроме этого, «Возьми на радость из моих ладоней...» является любовным стихотворением, адресованным актрисе Арбениной.

Несомненно, что в этом стихотворении основным образом являются пчелы. Мы попытаемся разобрать и проанализировать данное предположение с тем, чтобы разъяснить образ пчел у Мандельштама.

В первой строфе поэт пишет «Возьми на радость из моих ладоней / Немного солнца и немного меда, / Как нам велели пчелы Персефоны». Завет богини подземного царства Персефоны можно понимать так: «Наслаждайтесь солнцем и медом», значит, «живите и любите, наслаждайтесь радостью жизни до дна».

Во второй строфе не выступает образ пчел, но здесь обнаруживается связь с Персефой в образе неприкрепленной лодки. Именно образ «неприкрепленная лодка» напоминает мифический паром Харона из царства Персефоны. Кажется, поэт хочет сказать, что человек не может увидеть признаков смерти, которая подходит незаметно и крадучись. И в выражении «Не превозмочь в дремучей жизни страха» очевидно отражается первая часть «Божественной комедии». Если первая строфа полна изображения солнечного света и золотого меда, то эта строфа, наоборот, переполняется атмосферой дремучей жизни страха.

О СТИХОТВОРЕНИИ МАНДЕЛЬШТАМА

Третья строфа составляет центр стихотворения и по форме и по содержанию. «Нам остаются только поцелуи, / Их родина ; дремучий лес Тайгета, / Их пища ; время, медуница, мята». На этот счет существует несколько различных мнений: например, Нилссон толкует эту строфу так: изреченные слова исчезают так же, как поцелуи. А Тарановский, наоборот, считает, что нельзя игнорировать тот факт, что это произведение было написано Мандельштамом под влиянием образа определенной женщины — Арбениной.

В 1901-м году Морис Метерлинк написал «Жизнь пчел». Тарановский указал на взаимосвязь работы Метерлинка и данного стихотворения Мандельштама. Метерлинк сказал, что большинство из нас смутно чувствует, что природа хочет скорой смерти того человека, который оставил свою новую жизнь на этом свете, и, кажется, что смутный страх конечности человеческого бытия придает любви особую значимость, напоминая о ней моментом поцелуев.

Значит, в отличие от первой строфы, в которой под пчелами подразумеваются медуницы (иначе говоря, рабочие пчелы), в третьей строфе они предстают перед нами в виде трутней маток.

Кстати, существует следующий факт — в первых годах 20-го века свирепствовала эпидемия среди пчел по всей Европе. По замечанию известного биолога Фон Фриша, заразившиеся болезнью пчелы летают заметно вяло, не могут оставаться в воздухе, падают на землю и затем вскоре умирают. Образ умирающих пчел у Мандельштама напоминает нам атмосферу послереволюционной России, когда поэт составлял сборник стихотворений «TRISTIA», в котором были собраны работы, написанные с 1915-го по 1921-й год. Во многих стихотворениях этого сборника у Мандельштама появляется предчувствие гибели. Кажется, что и его любовь была тоже хрупкой, болезненной, умирающей.

Возвращаясь к тексту третьей строфы разбираемого стихотворения, мы хотим отметить, что картина к третьей строфе этого фрагмента наводит на мысль о полудне, потому что, конечно, медуницы больше всего любят солнце, но и трутни справляют свою свадьбу среди бела дня. В судьбе трутней мы можем увидеть

Акико ОЦУКИ

близость любви и смерти.

В четвертой строфе поэт пишет, что пчелы шуршат в прозрачных дебрях ночи. Можно полагать, что это выражение говорит о взаимопроникновении понятий любви и смерти. Медунницы, эти истинные дети солнца, живут всю жизнь безотносительно к любви, тогда как матки и трутни рождены именно для того момента, когда, по всей вероятности единожды в жизни, воспарят в свадебном полете к полуденному солнечному свету раннего лета, но за это воспарение всю остальную жизнь проведут во тьме. Слова Мандельштама «прозрачные дебри ночи» внушают внимательному читателю мысль о темноте жизни, темной дороге к любви, размножению, смерти. Нам представляется, что Мандельштам на образ «шуршащих дебрях ночи пчел» накладывает человеческую жизнь.

«Их родина — дремучий лес Тайгета». Что же подразумевает в этой фразе поэт? И Тарановский, и Нилссон предполагают, что слово «Тайгет» — это родина поэзии, но мы не убеждены в этом истолковании. Нам не ясно, в чем обнаруживается связь горы Тайгет, находящейся в Греции, и пчел.

Давайте обратим внимание на звучание. Слово «Тайгет» вызывает в памяти сибирские хвойные дебри — тайгу. Слово тайга созвучно со словом «тайна». Таким образом у читателя создается впечатление, что мандельштамовские пчелы родились не на юге, а в северной бездонной тьме. К тому же в русской поэзии слово «полночь» означает также «север». Какой смысл заключает в себе фраз «Их пища ; время, медунница, мята»? Мы полагаем, что слово «время» имеет два значения, то есть, английское слово «time», обозначающее время, звучит так же, как и название пахучей травы тимьян — «thyme».

Основываясь на вышеизложенном можно выстроить следующую гипотезу. В трех словах «время, медунница, мята» существуют две различные грани значения. Одна грань — это сфера пахучих трав, то есть — тимьян, медунница и мята. При этом не надо забывать, что слово «медунница» тоже имеет два значения — рабочая пчела и трава с мелкими душистыми цветками. И в этих трех словах содержится звук «мь» — это намекает на «мед». Другая грань, то есть «время,

О СТИХОТВОРЕНИИ МАНДЕЛЬШТАМА

медуница (рабочая пчела), мята — три элемента, которые создают любовный благовонный аромат.

Течение времени, историчность, — это важная проблема для Мандельштама. Вопрос времени является одной из главных тем в «TRISTIA». Между прочим, время в данном стихотворении выражает и потом времени, в котором созревает любовь, и миг совершенства любви, приостановленный зенит. И медуницы собирают мед для маток и трутней, совершающих подвиг любви. А мята — это трава богов в царстве мертвых. (Название «мята» происходит от имени нимфы «Мента» в греческой мифологии. В нее был влюблен Аид, и она была растерзана из ревности его женой Персефоной. Согласно греческому мифу, на месте гибели Менты выросла душистая трава мята.). Мята воплощает в себе смерть и воскресение, эротическую любовь, указывает на мифическую связь людей и растений, и кроме того связует в своем образе свет земной жизни и мрак подземного царства.

Время, медуница, мята — это подарок природы праздным роскошным трутням, существующим только для любви как символы земного бытия.

Мертвые пчелы, превратившие мед в солнце, — они тоже кажутся трутнями, которые умирают, насладившись любовью. Медуницы, собирая мед, позволяют трутням свободно наслаждаться любовью, превращая мед в «солнце» — светлую радость чувства. Здесь мед как чувственное наслаждение, тленное и земное, преобразуется в солнце, блестящее золотое время, упоенный любовным нектаром зенит, нетленное и небесное слово.

Как уже мы указали в первой части данной работы, это стихотворение с другими двумя произведениями составляет цикл, в котором поэт использует общие образы — смерть, мертвое царство, тени, прозрачность, Стикс и женщины. Поэт-Орфей спускается в мертвое царство и возвращается оттуда вместе с Эвридикой. Для него Эвридика — самая любимая женщина и, в то же время, слово поэзии. Лирика рождается от любви, как некогда сам поэт воспел: «И море,

Акико ОЦУКИ

и Гомер — все движется любовью». Эротическая любовь является гимном радости жизни, и в то же время она заключает в себе предопределенность смерти, которая относится к размножению, так как все живое, в сущности, обречено на смерть после рождения своего потомства. Это сопровождается жутью и страхом в действительной жизни.

Нилссон истолковал поэтический образ меда сокровенной красотой языка, солнечный свет — поэзией и «поцелуи, мохнатые, как маленькие пчелы, что умирают, вылетев из улья» — метафорой языка поэзии. Но Тарановский возражает ему: он утверждает, что «мохнатые поцелуи» — это не что иное, как действительные поцелуи мужчин и женщин. По мнению Тарановского пчелы в данном стихотворении не просто аллегория. Они представляют собой его центр, его душу, самую тайну любви, жизни и смерти.

*

Это произведение составлено стройно: в нечетных и четных строфах чередуются изображения света и тьмы. В нечетных строфах, несущих в себе светлые изображения, существуют «я» и «ты», и в то же время здесь изображена картина любви и смерти. А в четных строфах выступают тени подземного царства — темнота жизни — принадлежащий ночи мысленный образ. В прозрачных дебрях полночного севера ночь обнажает страх перед возможностью заблудиться.

Таким образом, в строгом порядке чередуются бинарные образы. С одной стороны, светлые образы греческого мифа и ассоциирующиеся с ними понятия; весна, лето, юг, полдень, небо, божественность — а с другой стороны, символы и образы действительной жизни, символы России — осень, зима, север, полночь, мертвое царство. В обеих образных последовательностях смерть венчает череду чувств, но в первом случае ей предшествует упоенный счастьем зенит, а в последнем — действительная жизнь советской России, полная страха и беспокойства.

О СТИХОТВОРЕНИИ МАНДЕЛЬШТАМА

Жизнь и смерть, день и ночь, юг и север, мужчина и женщина, небесная твердь и мертвое царство, горечь и сладость, свет и тень, таинственность и обнаруженность, миг любовного блаженства — иными словами, вечность — и течение действительного времени — эти противоположности у Мандельштама связывают «поцелуи, махнатые, как маленькие пчелы» в центре стихотворении. Умирующие пчелы и поцелуи, являющиеся стержнем стихотворения, воплощают в себе все бинарные противопоставления, замыкающиеся на чувстве любви.

Близость смерти и жизни особенно обнажается в самой любви, которая всем движет, все родит, множит и связывает. И одним из орудий этого творчества является лирическая поэзия.

ЛИТЕРАТУРА

- Мандельштам, О. : Сочинения в двух томах, Художественная литература, М., 1990.
- Burnett, L. : «Contours of the Creative Word : Mandel'stam's «Voz'mi na radost'...» in Perspective», *SEER*. Vol. 70, No. 1, January 1992, pp.18-52.
- Фостер, Л.А. : «Некоторые лексические и семантические особенности сборника *TRISTIA* Осипа Мандельштама», в кн.: *Slavic Poetics: Essays in Honor of Kiril Taranovsky*. Mouton. 1973, pp.125-133.
- Гинзбург, Л. : «Поэтика Осипа Мандельштама», Известия АН СССР, Серия литературы и языка, Том XXXI, 1972, вып. 4, С.309-326.
- Iverson, A. : «The Ancient Greek «Death» Aspect of Spring in Mandel'stam's Poetry», *SEEJ*, Vol.20, No.1, 1976, pp.34-39.
- Мандельштам, Н.Я. : Воспоминания, Книга, М., 1989.
- Мандельштам, Н.Я. : Вторая книга, Московский рабочий, М., 1989.
- Nilsson, N. : «Voz'mi na radost'», in *Osip Mandel'stam: Five Poems*, Stockholm, 1974, pp. 69-85.

АКИКО ОЦУКИ

- Przybylski, R. : *An Essay on the Poetry of OSIP MANDELSTAM: God's Grateful Guest*, Ardis, USA, 1987.
- Струве, Н. : Осип Мандельштам, Томск, 1992.
- Taranovsky, K. : «Bees and Wasps — Mandel'stam and Vjaceslav Ivanov», in *Essays on Mandel'stam*. Harvard Slavic Studies, Volume VI, Harvard U.P., USA, 1976, pp.83-114.
- Тарановский, К. : «Три заметки о поэзии Мандельштама», *IJSLP*, **12**, **1969**, pp.165-170.
- Terras, V. : «Classical Motives in the Poetry of Osip Mandel'stam», *SEELJ*, Vol. X, No.3, 1966, pp.251-267.

О СТИХОТВОРЕНИИ МАНДЕЛЬШТАМА

ABSTRACT

About “Voz’ mi na radost’ iz moikh ladonjei” by Mandel’stam

Akiko OTSUKI
(Tokyo University)

In this paper, I tried to analyze the one of poems of Osip Mandel’stam “Voz’ mi na radost’ iz moikh ladonjei”. Mainly I examined the idea of Time and Love in Mandel’stam’s poem, focusing on the image of bees, which appears also in a collection of poems called “TRISTIA”.

Bees have often been a symbol of poets, from time immemorial in European poetic tradition. However for Mandel’stam, image of bees is more implying. In his work, bees symbolize ideas of Life, Death and Love. Here Mandel’stam might imply, in very erotic love exists a secret mysterious interrelation exists between life and death.

Let us take up an image of Time in Mandel’stam, Time and Love is a knotting point of Life and Death, Eternity and Moment.

Erotic love seems to be a hymn of joyful life, and at the same time it connotes the consanguinity to death after reproduction. A moment of delightful love equals a moment of death .

It symbolizes the exact moment that bees appear and die after they fly out of their hive.

Let us reread the work of Mandel’stam and enjoy its boundless charm and sound out its secret; The truth of erotic love. Absolutely because, Love moves, produces, increases and links together all the world. It is needless to say, including lyric poetry.